

18+

Валентина Нестерова

ОСТРОВ

под грифом 05

Валентина Нестерова

ОСТРОВ под грифом 05

«Издательские решения»

Нестерова В.

ОСТРОВ под грифом 05 / В. Нестерова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985740-8

Задолго до времен Атлантиды древние генетики пытались преобразовывать мир по своему усмотрению. Мифы и легенды до сих пор повествуют нам о минотавре, кентаврах и множестве других химер. Что если нарушение Божественного порядка стало причиной гибели этих цивилизаций? И что ждет нас, если наши ученые пойдут по стопам своих древних соратников. Вирус «каннибал», уничтожающий все на своем пути, или вакцина, которая освободит людей от уже внедренных в тело и сознание убийц. Какой выбор будет сделан...

ISBN 978-5-44-985740-8

© Нестерова В.
© Издательские решения

Содержание

*Мы две спирали одной ДНК...	6
*Товарищ Бог, разрешите доложить...	8
*Серые крысы убивают чужаков...	10
*Всё началось с Суворова...	11
*Всё началось с Хоттабыча...	12
*Молитва для людей, что ПВО для армии...	13
*Человек – произведение генетического искусства...	14
*Бог дарит, человек отдаривает...	16
*Сердце брани не вынесло...	17
*Индийские каникулы...	18
*Мир устроен неправильно...	19
*Счастье в правде...	21
*Когда пирог будет испечён...	23
*Любовь со знаком минус...	25
*В один колокол звон...	27
*Человек как черновик...	29
*Мой второй папа...	31
*Любовь сильнее земного притяжения...	32
*Любовь не тело к телу на пять минут...	34
*Морок соблазна...	35
*Леденцы от старости, витамины от беременности...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

ОСТРОВ под грифом 05

Валентина Нестерова

© Валентина Нестерова, 2020

ISBN 978-5-4498-5740-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Мы две спирали одной ДНК...

«Хорошо, место у окна» – уткнувшись носом в явно страдающий близорукостью иллюминатор, подумала Ада.

Это было первое «хорошо» за весь день.

Вернее, за несколько дней.

Короче, с тех пор, как умерла мама. Внезапно, во сне...

«От жизни сбежала...» – потрясывая головой, буква за буквой не своим голосом извлёк из гортани страшные слова дед Мих Мих, когда они, жарясь на солнце, ожидали у морга выдачи готового к похоронам тела.

Ей хотелось возразить. Но!..

Накануне вечером мама сама призналась, даже можно сказать, покаялась: *прости дочка, я боялась, что рядом с отцом мы превратимся в подопытных кроликов.*

Раньше говорила: *твой папа засекреченный учёный, и точка.*

А тут эсэмэска от американской бабушки: *Адам уходит, хочет проститься, вызов и визы оформлены.*

Мама прочитала раз десять и будто потерялась в пространстве: стала наткаться на всё, что встречалось, бросала мимо чемодана платья, которые давно не носила и говорила, говорила...

Адам считал: мы две спирали одной ДНК...

Алель хотел составить генную азбуку, я обещала из её букв сложить новые слова для флоры, фауны и даже нового человека, но испугалась...

С ужасом посмотрела на чемодан: у него клаустрофобия, ему нельзя в гроб...

Похороните нас рядом. Нет! Лучшие сожгите и развейте над океаном наши прах.

Незряче огляделась, скороговоркой спросила: *помнишь Ола, мальчика, с которым вы были, не разлей вода? Так вот, когда у него выросли оленьи рожки, ты прибежала к отцу и сказала: папа, я тоже такие хочу!*

– И что он? – спросила Ада, пытаясь оживить в памяти картинку из детства.

Рассмеялся: если хочешь, можем попробовать! Теперь понимаешь?..

– Он пошутил, а ты украла его у меня, – ответила она матери и жёстко добавила. – **Никогда не прощу!**

Простила утром следующего дня.

– Мам! Мама! Мамочка-а-а...

Короче, мамы не стало.

Чтобы не расплакаться, Ада попыталась разозлиться на себя.

Опять это «короче»!

Сколько раз мама твердила: *кто-то специально отбирает у слов смысл, а, значит, и силу. Раньше кастрировали мысли словом «короче», теперь лингвистический вирус «как бы», исподтишка приучает воспринимать неправду как правду. Говорят: как бы люблю – подразумевают: не люблю. Только о покойнике никто не скажет: он как бы умер. Избавь свой язык от слов-паразитов, они разрушают программу судьбы.*

Она не избавила, и судьба отвернулась.

Непослушание – великий грех, напомнила подкорка.

– Мне ли не знать, – мысленно огрызнулась Ада, – если мои родители Адам и Ева...

Послушали бы своего Отца, до сих пор жили бы нагие и невинные в своём раю...

И людей, до сих пор не умеющих отличать добро от зла, не было бы...

И Земля водила бы хоровод вокруг Солнца в первозданной красе...

И!.. как всегда всё свернули на стрелочника: Змей виноват!

Здравствуйте, приехали!

А Бог что?

Сидел в стороне и наблюдал, как его детей совращают?

Или всё шло по плану, не случайно же Он нарёк сына Адам, в переводе с праязыка *Земля?*

То есть, заранее запланировал переселить их, чтобы плодились и размножались.

Дедушкой хотел стать!

От этой мысли Аде так стало жаль Бога, что на глаза навернулись слёзы.

Подумалось...

Как там Мих Мих?

Другому деду, наверно, тоже не сладко...

Она плохо помнила Адама Старшего: всего один эпизод, когда они втроём гуляли по пляжу, вода шипела как газировка у ног, а дед вдруг согнулся, поднял выброшенный волной прутик и написал им на мокром песке АДА.

«Смотри, внучка, какое у тебя редкое имя: что слева направо, что справа налево равнозначно читается. Это говорит о том, что ты будешь счастливой...» – подхватил её дед, закружил высоко самолётиком.

«Если найдёт, кому сказать: мой Аллель...» – уточнила мама.

Спустя годы она выяснила: на генетическом языке *аллель* означает *один из пары*.

А тогда... через пару шагов обернулась и увидела, как с шипением уходит её имя в песок.

Имя, в котором, читай хоть туда, хоть сюда, зашифрован «ад»...

*Товарищ Бог, разрешите доложить...

«Дамы и господа!» – гипнотическим голосом обратился к пассажирам стюард.

– Товарищ Бог, разрешите доложить, к полёту готов! – раздалось из соседнего кресла.

Скосив глаза, она увидела мужчину, о котором не скажешь пожилой, хотя явно поживший и свет повидавший.

Решила: полковник в отставке!

Ещё в школе избрав профессию журналиста, она стала практиковаться в узнавании незнакомых людей, причём, не наобум, не по наитию, а по вытисненным, не подлежащим сомнению признакам. Чем дольше она развивала в себе это умение, тем более загадочные люди становились ей интересными.

С соседом, к сожалению, всё было очевидно: усы с проседью, глаза цвета хаки, привычка рапортовать, даже Богу, как главнокомандующему. Ать-два! Так точно! Кругом, шагом марш!

– Игорь Михайлович, – отреагировал «полковник» на её взгляд. – К дочери лечу. Журналистка она у меня, в американского телевизионщика влюбилась, замуж вышла. А с полгода назад с чужого телефона позвонила, поблагодарила, что Евой назвали, будто из-за имени её в братство Мафусаила взяли, о золотой жиле упоминала, что к чему мы с матерью не поняли, главное, пообещала внука родить, Адама бессмертного. Тут связь отключилась. Сами позвонили, телефон вне доступа. У зятя тоже с русским неладит. Вот, мать и послала меня провести рекогносцировку на местности...

– А моя мама умерла, – будто извиняясь за тайно составленный нелестный портрет, откровением на откровение ответила Ада.

К тому же сосед показался ей очень похожим на деда, который «рекогносцируя» последствия киевских майданов, оставил директорское кресло в школе и, отрастив бравые усы, подался в черноморские казаки по примеру предков защищать южные границы до поры до времени «обескрымленного» государства. Был уверен, императрица Екатерина Вторая не зря говорила: Крым – её приданое России навек.

– Прости, дочка, – дёрнул себя за ус Игорь Михайлович.

– Я лечу к папе, – загораживаясь от его жалости, подняла руку Ада.

– Твой отец... живёт в Америке?

– Работает. Вместе с моим дедом. Оба геновые инженеры.

– Картошку с генами скорпиона, американских бабочек отпугивать, придумывают? – высказал не совсем этичную догадку «полковник».

– Причём тут картошка? – вступилась за предков Ада. – Они людям хотят помочь! В нашем геноме почти девяносто процентов генов спят, в них, возможно, скрыта информация о божественной природе человека, а геновое редактирование поможет людям стать всемогущими и жизнь продлить!

– В епархию Бога со своим уставом...

– А Бог и был первым генетиком, а его сын Адам первым ГМО человеком!

– Не удивлюсь, если сенсационную статью моя дочь хочет написать именно о твоём отце, – чтобы утишить её пыл, покладисто предположил Игорь Михайлович.

– Почему, о моём отце?

– Что-то мне подсказывает, он как-то связан с этим... братством.

– Вообще-то, это мой дедушка скрестил человека с бессмертной медузой. А дед Ноя Мафусаил прожил всего тысячу лет – ясельный возраст по сравнению с вечностью! И о моём отце и его генетических опытах я сама напишу! – почувствовав профессиональную ревность к дочери «полковника», задиристо заключила Ада.

О том, что она едет прощаться, говорить не хотелось.

– Не сердись, дочка, у нас ведь, что ни «откроют», всё оружие получается.

– Ну, это... – не зная, что сказать, пожала плечами Ада.

– У меня жена геохимик, так она говорит: и лекарство может быть опасней атомной бомбы, – продолжил гнуть свою линию Игорь Михайлович. – После отставки хотели мы с ней на юг податься, да вдруг одна заморская фирма рядом с нашим военным городком фармацевтический завод начала строить, витамины от старости выпускать...

– Стариков хотят известить? – механически уточнила Ада.

– Вот и мы заподозрили: ведь это понимай, как хочешь, «от старости»! То ли, пей витамины и живи сто лет! То ли?.. Неспроста у завода как у ракетной шахты охрана! И на работу принимают, будто в космонавты. Желающих много. Зарплату обещают по нашим меркам заоблачную, полный социальный пакет. Мы с женой тоже заявление подали, хотим убедиться, может, и правда, новые технологии, пусть не вечная, но долгая, бодрая жизнь не помешает, – дёрнул себя за ус и замолчал «полковник»...

*Серые крысы убивают чужаков...

А в памяти Ады вдруг вспыхнула картинка из детства...

– *Только олухи бодаются с Богом, Адам ослушался, и что? Родил двух убийц!* – ворчит дед, помогая своей горе-дочери закутывать кусты роз на зиму.

– *Не двух, а одного... Каина*, – уточняет мама.

– *Богиня-мать не выгнала бы детей из дому за то, что надкусили какую-то фигу!* – вмешивается в их разговор бабушка.

– *Не фигу, а яблоко*, – реагирует дед.

– *На смоковнице яблоки не растут!* – парирует баба Катя. – *Волки-оборотни всегда хотят людей как овец пасты, вот и путают! Сам знаешь: первый секретарь первым попом на районе стал, что Ленин ему, что Бог. И зять мой туда же...*

– *Не дело людей искажать*, – соглашается с ней Мих Мих.

– *Мы задуманы как гибридные существа*, – защищает отца мама.

И тут шип розы впивается ей в ладонь.

Мама слизывает кровь, по её щекам текут слёзы.

Почему?

Потому что чувствует себя проигравшей?..

Или потому, что просто была... в своей семье *чужой*?

Хотя, почему *была*?

Мама всегда мама.

Навечно.

Даже если она не такая как все...

Не срезает цветы для букетов.

Верит, что ароматы сродни божественным мелодиям и составляет настрои-духи.

Искренне считает: кто боготворит слова, тот и богат.

А ещё... что она, Ада, знает о своей маме?

Почти ничего.

«*Серые крысы убивают чужаков, а в геноме человека и пасюка всего один процент разницы...*» – сказала мама как-то тихо, будто самой себе.

Наверно, подумала: может, и среди людей «серые» есть?

Надо было сразу спросить.

А теперь, что рассуждать...

Теперь дедушкин кисет с маминым прахом летит в багаже, а исписанная маминой рукой тетрадь ждёт своего часа в брошенном под ноги рюкзаке.

Хватит ли у неё, Ады, сил, когда-нибудь переступить черту, без спросу перелистать страницы, хранящие чужую тайну?

Была бы просто дочерью, наверно, побоялась бы...

Но! Как журналистка она обязана быть любопытной, в смысле: *проявлять интерес, неравнодушные, то есть, задавать смелые и даже дерзкие вопросы.*

Например, отважилась спросить у деда о бархатном, цвета персидской сирени кисете, с которым он после ссор с бабой Катей тайком разговаривает, и узнала историю их любви. В двух версиях...

*Всё началось с Суворова...

Мих Мих начал с признания о том, что читать научился по книге мифов о Древней Греции. Наизусть знал имена олимпийских богов, соседским мальчишкам рассказывал о подвигах Геракла и Троянском коне. Отец гордился, что «выстрогал» такого умного сына, но наставлял, больше русскими подвигами интересоваться, говорил: на каждую вражью хитрость у нас храбрость найдётся. Сам с войны инвалидом вернулся, без ноги, но с Орденом Красного Знамени. Работал, большей частью сторожем, храбрился: кто сунется, я его культей! Незаметно сам историей увлёкся: зимой по вечерам вслух страницы по две-три роман «На заре» Петра Радченко читал, об установлении советской власти в казачьей станице. С весны до осени на лиманах пропадал: не было удачливее его рыбака и ловца раков.

«На деревяшку мою из любопытства идут» – объяснял свой фарт.

А уж рецептов знал!

Раки в рассоле, в молоке, в самогоне, в сметане; варёные, тушёные, жаренные.

Меня приучал...

– Дед, я про кiset, – напомнила она.

– Так с истории всё и началось. Поступить на истфакт, поступил. А жить где? Знал, неподалёку от института крепостной вал, при Суворове ещё построенный, сохранился. Спросил у интеллигентного вида старушки, разговорились, выяснилось, она недавно сына похоронила, в двух комнатах одна живёт. Развалины крепости показала, к себе на постой пригласила. За продукты. У станичников тогда харч лучше был, чем у городских. Я и рад. Дом у моей хозяйки Евдокии Ильиничны когда-то барским был, с чугунными ступенями, облупленной дверью метра три высотой, намертво заколоченной.

Для коммунальных жильцов определён был вход со двора, через веранду. Коридор узкий. Дверь к двери. Одна распахнулась, девушка в слезах, еле протиснулась, по мне грудями чиркнула. Ну, я и вспыхнул. Хорошо, сосед охладил. Хоттабыч. Историю знал, чуть ли не от сотворения мира. А библиотека! В четыре стены от пола до потолка. Жаль, умер скоро. На похороны попа пригласили. А хозяйка моя, Ильинична, ни с тог, ни с сего, предложила мне покреститься. Тайно, мол, никто не узнает. Я, естественно отказался. За комсомол начал её агитировать. А она скорбно вздохнула и сказала: *не бодайся с Богом, сынок, рогатым станешь*. Такие дела...

Дед замолчал.

По отрешённому виду надолго.

***Всё началось с Хоттабыча...**

Бабушка разоткровенничалась охотнее...

«...Я Михаила сразу заметила.

Разругалась с матерью, бежала топиться. Как жить? Отец бросил, мать запила. Из детсада, когда работала, каждый день супчик, котлетки, булочки приносила. А выгнали за пьянство, из дому стала вещи выносить. Дожила до того, что пальто моё продала. Вот и решила я: Кубань рядом, одно мгновение!.. и больше никаких проблем.

А тут он! Посмотрел – будто душу выманил...

Топиться расхотелось. Подумала: устраюсь ночной няней, на второй курс как-никак перешла, новое пальто, лучше прежнего справлю.

И вообще, может, судьба сжалилась...

А Миша мой, дни идут, на меня только смотрит...

Глаза вроде о любви говорят, да боюсь ошибиться.

Со Стариком Хоттабычем, соседом нашим столетним, похоже, ему интереснее.

Байки его зловредные, книги допотопные... дороже меня.

Обратилась за помощью к Ильиничне, она и подсказала спросить у Ивана Ивановича, подлинного имени Хоттабыча, что к чему?

А он, история ходячая, присоветовал кисет Мише сшить, мол, раньше так девушки казакам в любви объяснялись.

«Иваныч в церковь ходит, не соврёт», почувствовала себя свахой Ильинична и с лёгким сердцем отпорола от бережно хранимой прабабкиной свадебной юбки бархатную оборку шириной с локоть. Разгладив её ладонями, призадумалась: вышить бы что-нибудь, например, инициал, я у Хоттабыча книгу видела, с буквой Е на обложке, не буква, сказка!

Сказано – сделано!

Ради любви Иван Иванович ссудил напрокат издание Истории Екатерины Второй девятнадцатого века.

Ильинична раздобыла мулине цвета золота.

Вместо кисета я сшила походную суму...»

Далее баба Катя призналась, что вышивать по бархату тоже было незнакомое дело.

Пока то, да сё, Иван Иванович покинул этот мир.

На похороны сошлись ветхозаветные старушки, тайно отпели усопшего.

Она горевала не очень: ревновала Михаила к Хоттабычу, считала его разлучником, хотя... были минуты, когда за это искренне стыдила себя.

Шли дни. Наконец, на кисете-суме цвета персидской сирени засияла затейливая, с виньетками буква, первая буква её имени «Е». И она караулила его шаги. Узнала сразу. Распахнула дверь. Увидела на его руках неменяемо пьяную мать.

Ей снова захотелось умереть: теперь от стыда.

Кисет улетел под потолок, за коробки на платяном шкафу.

Наутро мама не проснулась.

Первым откликнулся на её крик Михаил.

Утешая, позвал её замуж.

Кисет был её свадебным ему подарком.

От Ивана Ивановича осталась на память книга-соперница, которую она не раз пыталась сжечь, но всегда этому что-то мешало.

Или кто-то. Быть может, Хоттабыч.

А ещё вероятнее, сама императрица.

***Молитва для людей, что ПВО для армии...**

– Взлёт объявляют, пристегнись, дочка, – вывел Аду из плена воспоминаний голос соседа. – А если знаешь «Отче наш», прочти: молитва для людей, что ПВО для армии, в смысле, обороняет против врагов видимых и невидимых.

Она благодарно взглянула на него, замечая: у Мих Миха оба уса вихрятся кверху, у «полковника» левый ус понуро косит вниз.

«На циферблате его лица стрелки усов показывали без двадцати минут три часа» – сама собой сложилась фраза, пригодная для зарисовки об авиа-соседе, хотя, если честно, собственный взгляд на Игоря Михайловича и на его заявление о молитве, как средстве духовной обороны, у неё ещё не сложился.

И слов ещё нет, даже самых избитых, обыденных...

Даль подождёт! – мысленно обратилась к куратору предстоящей практики Ада.

– Усечённые слова оскопляют мысли, – при первом знакомстве со студентами заявил он. – Не хотите кастратами стать, подружитесь с толковым словарём Даля.

В ответ студенты сомлели и по инерции воображаемо «лайкнули».

Ещё бы!

Сам Салтыков сподобился!

Бог блогосферы!

Звезда авторской журналистики!

Пост на его веб-странице опубликовать – удача, статью – признание!

Редким студентам удаётся...

А он...

Мужчина-магнит!

Волосы светлые, брови чёрные, глаза зелёные.

Увидела, в груди ойкнуло: *знаю его!*

И он посмотрел обещающе, но душу, как Мих Мих у бабы Кати, не выманил.

Корень моей фамилии Салтык в старые времена означал: лад, склад, образец – представился куратор едва оперившимся третьекурсникам.

И!.. наперекор фамилии вместо лекции устроил поход в кино: *посмотрим фильм «Зоология», потолкуем, о чём он...*

Но! Если это и было, то в какой-то другой, нереально счастливой жизни.

Ада снова уткнулась в иллюминатор.

В небе плыло странное, в виде вытянутой подковы облако...

***Человек – произведение генетического искусства...**

А в это время Адам Младший, отец Ады думал о том, что на прощанье скажет дочери, по сути, взрослой уже незнакомке.

Он, повелитель генов, долгие годы ждал встречи с женой.

Не понимая страха, который заставил её уйти, то осуждал её, то прощал.

Теперь, чего она так боялась, понял.

Да поздно!

Заготовил прощальную речь.

А повиниться некому...

Его ум не мог смириться с тем, что Евы больше нет.

Когда-то они хотели умереть вместе. Прожив в любви девятьсот девяносто девять лет. Побив рекорд Мафусаила. Побив все рекорды. И это не был клубнично-зефирный лепет впервые влюблённых. Это была вполне осуществимая мечта. Его отец обнаружил ген бессмертия у глубоководной медузы, и одна из попыток внедрения бессмертного гена в хромосому человека оказалась удачной...

«Лермонтов в дневнике Печорина писал: одно слово для нас целая история. Если учёные разгадают язык генов, смогут ли они создать генетические неологизмы, в смысле, открыть страницу для доселе неведомых, идеальных людей?..»

Девушка, задавшая этот вопрос, поразила его в самое сердце.

В самое сердце, определение антинаучное. По идее мощный выброс окситоцина случился в мозге, отчего его ум потянулся к её уму, его глазам захотелось смотреть в её глаза, его губам целовать её губы. Но по факту и сердце нельзя игнорировать. Отчего оно вдруг забилось с частотой свыше двухсот ударов в секунду? Может, именно эти герцы соединяют людей для сотворчества...

Тогда же он и бросил мысленный вызов отцу: если нравится, пусть скрещивает богатых старцев с медузами. А он, Бессонов младший, как минимум, сотворит нового человека! Не «гомо», что в переводе с греческого означает «одинаковый», а ГМО – модифицированного из спящих генов эксклюзивного существа, «человека совершенного».

И это не пустые фантазии: как наяву старец приснился, борода белая, глаза синие, положил руку на голову и говорит, запомни: первая азбука в мире – генетическая, первые буквы – гены, первое слово БОГ – геном, от которого пошли все существа, в том числе и человек.

Сон оказался пророческим.

Через день отец сообщил: его заметно помолодевший пациент, похоже, оказался наследником царя Соломона, решившим спонсировать поиск бессмертия. И это не пустые слова. На гряде частных его островов началось строительство лабораторий геронтологии, биоинженерии, генной терапии, конкретно, не виданного ещё наукограда.

«Доучивайся и приезжай. Мама нашла себя здесь, и ты найдёшь...»

Многообещающая перспектива подстегнула его. С полгода он работал над лекцией о человеке, как конгломерате всех имеющихся в природе генов. В подвале студенческого театра на два часа арендовал сцену, написал объявление **«Адам Бессонов. Азбука генома разгадана. Пришло время творить новых людей!»**

И!..

Аншлага не случилось, но человек двадцать, а то и больше зрителей, набралось.

Впрочем, в зал он не смотрел.

Со сцены выступал как с амвона, обращался не к слушателям, а к белобородому и сине-глазому старцу из вещего сна, чтобы услышал и помог составить генетический тезаурус – словарь с исчерпывающим перечнем генетических альтернатив.

– *Был в девятнадцатом веке, сэр Фрэнсис Гальтон, который мечтал улучшить породу людей методом наследственного отбора. Так эта его фантазия Гитлеру очень понравилась, – саркастически откликнулся на его доклад очкарик из первого ряда.*

Он замешкался, подбирая слова для ответа. Выручила девушка с Печориным и генными неологизмами.

После лекции он догнал её, представился: Адам.

– Ева, – улыбнулась она.

Он смутился.

– Думаете ли вы, что познав язык генов, можно создать человека как произведение искусства? – снова пришла на помощь она.

– Думаю, – ответил он.

Любовь – гравитация. Чем мощнее сила её притяжения, тем больше хочется забыть о науке, генах, даже о себе. И любоваться, любоваться овалами её тела, разрезом глаз, лёгким взлётом бровей, невинной припухлостью губ.

Он променял бы весь воздух вселенной на её аромат.

Но, самое главное, с первых слов он был покорён свободой её извилин.

«Дураки – узники стереотипов» – говорил отец. И ещё: *сторонись их, они заразны.*

Дураки или стереотипы заразны, он не уточнил, решил: и те, и другие.

Ева была умна, любознательна и, главное, доброжелательна. В отличие от тех, в ком, судя по вопросам, дремали и вдруг проснулись гены инквизиторов.

– *Если гомо сапиенсу привить гены крокодила, который питается раз в три месяца, сможем ли мы решить продовольственную программу?..*

– *Известно, что скандинавские берсеркеры, перед сражением пили медвежьей кровью. Могут ли медвежьи гены наших солдат сделать непобедимыми?..*

– *Есть версия, что утконос – результат деятельности древних генетиков. Вы уверены, что на ГМО человеку не вырастут рога, копыта и хвост?..*

– *И наши женщины не будут рожать неведомых зверушек по примеру Пушкинской царицы?! – съязвил очередной генофоб.*

– Царицу оболгали, – не вынес несправедных нападок он.

И зря.

– *Сказка ложь, да в ней намёк!* – обрадовались оппоненты, опорочив генную инженерию, доклад и его разом.

К такому он не был готов.

– Значит, в твоих идеях есть что-то покушающееся на привычную серость, – вывела его из умственной комы Ева.

«Вот и теперь... мои извилины расстроены, а настройщика нет...» – возвращаясь из путешествия в юность, обречённо нырнул в хрустальную глубину бассейна Адам сын Адама...

***Бог дарит, человек отдаривает...**

Самолёт набрал высоту.

За иллюминатором плескалась безбрежная синь.

Отче наш, иже еси на небесех...

На небесех...

Мих Мих говорил: Бог дарит человеку рождение, человек отдаривает Бога жизнью: словами, мыслями, делами. Баба Катя со своей стороны утверждала: всяк дар в строку!

«Так что, мамочка, не волнуйся, ты жила хорошо...» – впилась Ада взглядом в небесную гладь, будто хотела дверь в иной мир просверлить: подставить маме плечо.

Отче наш, иже еси...

Дальше молнией в мозге – слова подружки Тани Танк: *«Не молилась, и молиться не буду. Мать бросила. А Бог кто мне? Прадед в тысячном поколении? Так у него склероз! Забыл он обо мне! Поэтому я сама себе... богиня!»*

У неё, Ады, отношения с Богом тоже не простые: часто спорит, даже ссорится с Ним. Обвиняет в катаклизмах, войнах, изъятиях людей. Но! с детства запавшее в душу внушение мамы: *«Бог живёт в словах!»* – заставляет её вовремя снижать обороты, быть не такой категоричной, как ТТ. А когда с языка сорвалось: *«батюшка Бог, помоги!»* озарило: она разговаривает с Богом не как с предком в стотысячном колене, а как с отцом, по которому очень скучает...

«Адам увлёкся новой в науке идеей, ему сейчас не до нас...» – объяснила мама их возвращение в родительский дом, что вызвало у стариков, запомнившуюся ей на всю жизнь перебранку...

– Знаем мы эту науку, жёнам изменять, – подбоченивается баба Катя, – по этой части у нас дед академик!

– Адам помогает Творцу делать новых людей, – с укоризной смотрит на неё дед.

– Изменяет Богу твой зять, как и ты, кобель, с царицкой покойной мне изменяешь!

– Не царицкой, а императрицей!

– Немкой! – жалит деда бабушка.

– С умом и душой просторов российских, – примирительно уточняет Мих Мих.

И сколько сцен таких было, считать – не пересчитать!

Но громы и молнии баба Катя метала только в доме. В школе преображалась, казалась весёлой, доброй. Вела уроки в начальных классах, и малышня, как цыплята к наседке, липли к ней. Но внучку почему-то в свой класс взять отказалась, и Ада пошла в первый «Б».

«На расстоянии легче любить» – попыталась объяснить ей бессердечное правило из жизни взрослых мама.

Видимо, поэтому именно как побег в мир иной, *на расстояние*, чтобы, наконец, и её полюбил дед как «царицку» свою, истолковала она смерть бабушки Кати «от остановки сердца»...

*Сердце брани не вынесло...

– Грешен, дочка, храплю во сне, – сбил её с мысли сосед, – но средство есть: дёрни меня за левый ус, я и замолчу.

– А дедушка говорит: тело храпом душу пугает, чтоб не улетела, пока человек спит, – машинально откликнулась Ада.

– Интересная теория, – взбодрился Игорь Михайлович.

– Слышали бы вы, какие рулады-серенады он выводит, а иногда такой рэп-храп учинит, дом ходуном ходит...

– Мне бы жена все усы оборвала.

– У дедушки жена давно умерла.

– Несчастный случай? болезнь? – ненавязчиво поинтересовался сосед.

«Ревность» – хотела озвучить диагноз Ада, но осеклась.

Вспомнила: сколько бы бабушка ни ругала деда, ни цеплялась к его неутолимой исторической страсти, он, милостиво даровав ей свободу выпустить пар, подкручивал усы и драматическим баритоном, нараспев, декламировал: *За муки ревности тебя я полюбил, а ты меня за верность Катерине!*

Бабушка для порядка ещё немного ворчала, но глазами милела.

И дед немедленно приступал к примирению её с царственной тёткой.

– Вот что женщина может! – раскрывал он доставшуюся от Хоттабыча книгу, нежным взглядом окутывал свою половинку, и возвращался в чужое прошлое, будто в своё. – Только представь, Потёмкин уже хотел сдать туркам, а она ему: *на оставление Крыма согласиться не могу. Если сие гнездо оставить, тогда и Севастополь и все труды и заведения пропадут, и восстаноятся набег татарские на внутренние провинции*, такие дела...

Бабушкиного терпения хватало ровно на минуту, потом она или снова заводилась, или молча шла на кухню творить борщ. Именно творить, потому что бабушкины борщи были настоящими произведениями искусства. Дедушка их тоже любил, возможно, даже не меньше, чем историю присоединения Крыма.

Но! Милые бранятся, только тешатся, – поговорка не о них.

Бабушкино сердце брани не вынесло.

Остановилось ночью, во сне.

Так же ночью перестало биться и мамино сердце...

От чего?

Из страха встретиться с папой?

Ада искоса бросила взгляд на соседа, отметила его отрешённый вид.

Наверно, разбирается со своими альтернативами, решила она.

И хорошо, затевать исповедальный разговор не было сил.

К тому же, показалось...

Она бережно потянула носом воздух...

Белая роза, персидская сирень и мускус с оттенком лайма...

Эту композицию мама сочинила после одной из поездок в Индию, куда время от времени её приглашала свекровь Агата Львовна, и она всегда возвращалась с чемоданом эфирных масел.

Голова закружилась.

Мама!

Агата не обманывала, ты, правда, жива?

Память пыхнула колечком дыма десятилетней давности...

*Индийские каникулы...

Первый и единственный раз мама взяла её с собой в Индию на встречу с известным гуру, который, в мамином пересказе, учил: тело – железо, душа – магнит. Железо от лицемерия покрывается ржавчиной, магнит легко может покинуть его.

Вместе с мамой они жили в маленьком домике на сваях с открытой верандой, откуда открывался вид на океан. Вокруг, окружённые невиданными ранее цветущими кустарниками и деревьями, на ветках которых сидели парами большие и разноцветные, будто из мультфильмов, попугаи, то тут, то там, обнаруживались такие же домики. У неё были каникулы, и она законным образом отдыхала, купалась, объедалась экзотическими фруктами. Но когда решила ближе познакомиться «с Индией», наткнулась на высокую стену с охранными башнями. Оливкового цвета солдат с ружьём что-то крикнул ей, она испугалась, помчалась к морю, вернее, океану. Он был безбрежен. Она всматривалась в его синеву, пока солнце не позолотило поверхность. Только далеко впереди темнела фиолетово-зелёная полоска. Она решила – это ступенька в небо, где нет заборов, солдат и ружей, и смело побежала по солнечному лучу, переступила порожек, на цыпочках пошла по небесному своду. Он оказался твёрдым. Она освоилась, и снова побежала, пока не поняла, что передвигается ногами кверху...

Голова закружилась. Она очутилась в мире танцующих радуг, и сама стала радугой, частью небывалой, безбрежной как океан радости. Покидать танцующий мир не хотелось, но небо упало, и она вместе с ним.

Вслух подумала: я умерла?

– Слава богу, очнулась! – поцеловала ей руку мама.

– Смерти нет! – покачала головой Агата. – Рекомендую запомнить: наша Земля – космический корабль, наша душа – космонавт, наше тело – скафандр, и никак не иначе!

– Прошу вас! – укорила свекровь мама.

– А Ола помнишь? – резко сменила тему бабушка.

– У которого выросли рожки? – окончательно почувствовала, что вернулась на землю она.

– Не случайно выросли. Под гипнозом он вспомнил, что уже воплощался на Земле, из генов собирал двуногих людей, иногда, правда, получались фавны, кентавры и иные химеры...

От такой информации у неё снова закружилась голова, и чтобы остановить хоровод слов, мыслей, событий, она, что есть силы, замкнула глаза.

– Тебе плохо? – спросила мама.

– Хорошо, – сонно ответила она.

– Обыкновенный солнечный удар, – положила прохладную ладонь на её лоб Агата Львовна. – Температуры нет, поспит, и всё пройдёт. А тебе, – шёпотом обратилась к маме, – предлагаю немедленно пройти сеанс ретро-гипноза.

Заснёшь тут после этого...

Вот бы узнать, кем мама была?

Вдруг, королевой?

Нет, для королевы она слишком...

Добрая?

Мягкая?

Книжная?

Не сумев подыскать веского доказательства, почему мама ни за что не смогла бы править страной (даже в их мини-семье главным был дед), Ада задумалась, чем в прошлой жизни хотелось бы заниматься ей?

Скорей всего, составлять из генов крылатых людей...

*Мир устроен неправильно...

Не хочется вспоминать, но в тот вечер крылья точно помогли бы ей спастись...

С закадычной подружкой Таней Танк, они беседовали о счастье.

Вернее, о том, что мир устроен неправильно.

Танин отец ушёл из семьи, когда она ещё не умела ходить.

Через год на поиски счастья отправилась мать.

Бабушка пошла в церковь, попросить Создателя помощи в воспитании внучки, как положено, исповедалась, причастилась и! от ужаса еле вынесла ноги: слишком натурально вообразила, что ест тело и пьёт кровь Иисуса. С тех пор замкнулась, наладила с Творцом связь без посредников, и с божьей помощью не хуже других одевала внучку, кормила, учила охранной, видимо, лично выстраданной молитве: *не суй мой нос, боже, куды его не просят!*

Не в Танк корм!

Таня призналась, что мечтает оставить с носом весь мир.

Ада стала думать, как направить Танину энергию в более безопасное русло.

И тут!.. в одном из маминых журналов ей на глаза попала статья о бразильских индейцах племени *пираха*, считающих себя самыми счастливыми и правильными людьми на земле. С этим репортажем из джунглей она и направилась к подружке, обсудить, как правильно в неправильном мире жить?

Читали, удивлялись, смеялись, соглашались, не соглашались...

Например, хорошо или нет, когда весь счёт ограничен категориями: *несколько и много?* Может, и хорошо, никаких ЕГЭ по математике, но! нереально.

А проблема индейцев с пониманием цифры «один»?

Бились-бились миссионеры, чтобы привить варварам идею единого бога, лбы себе расшибли, а *пирахи* своё: бога много, он везде!

«Реликтовым людям религия не нужна» – ни с чем вернулись миссионеры домой!

И алфавит у них – мечта! Десять букв: три гласных, семь согласных.

Слов для общения мало, врать незачем.

Зато мелодий много: душа всегда поёт.

И любят всех, не сомневаясь, что взаимно...

Никого ни в чём не винят, к чужим правам относятся трепетно.

Не воруют, не убивают.

О будущем не заморачиваются.

Свято верят: каждое утро в них просыпается другой человек, а раз так, пусть он и ломает голову, как ему жить...

– Скарлетт из «Унесённых ветром» тоже без конца повторяла: подумаю об этом завтра! – неожиданно оживилась Таня. – И чего хотела, того и достигла...

– Наверно, в одном из прошлых воплощений она была *пираха*, – с театральным поклоном захлопнула журнал Ада.

– Чаю попьёшь, или домой пойдёшь, темно на дворе, – как всегда альтернативно поинтересовалась Танина бабушка.

– Пойду! – вдохновлённая доверием к миру, направилась она домой.

И вдруг из сумерек возникла фигура, облапила тесно, дыхнула пьяно: *какая краля на закуску...*

Она испугалась.

Первый раз в жизни испугалась человека.

Окаменела от страха.

Но тут на её глазах из воздуха выткался и, угрожающе рыкнув, вцепился зубами в плечо насильника огромный чёрный пёс.

И в тот же миг Мих Мих во весь голос крикнул: *А дочка, дочка, домой!*

– Чур, меня! – киселём осела «фигура».

Придя в себя, она хотела погладить заступницу, но собаки и след простыл.

Пулей помчалась домой и деду о том, что с ней произошло, выложила как на духу.

– Это ангел-хранитель уберёт тебя от беды, – заключил он. – Таки дела...

Маму о случившемся решили не извещать, она с минуты на минуту должна была вернуться из города, куда раз в месяц ездила на книжную базу за новинками.

Чтобы унять внутреннее негодование от посягательства на собственное право идти своей дорогой в любое время дня и ночи, Ада раз сто повторила запомнившуюся строчку из журнальной статьи: *в геноме индейцев пираха, видимо, полностью отсутствует ген насилия.*

«Интересно было бы поговорить об этом с отцом, если не завтра, то хотя бы когда-нибудь...» – подумала она, и в тот же вечер решила искать на планете мирных, добрых, счастливых людей, писать о них статьи и книги, снимать сюжеты и фильмы...

*Счастье в правде...

«Зоология» – фильм о людях несчастливых.

Куратор практики Салтыков пригласил их посмотреть кино о хвосте, который вырос у сотрудницы зоопарка, и о том, как на этот конфуз отреагировали люди и звери, конечно, неспроста: решил протестировать своих подопечных.

И!

За осилившими второй курс студентами не заржавело...

– *Хвост просто так не вырастет.*

– *Фильм не о хвосте, о любви.*

– *О том, что никто никого не любит.*

– *Потому что любовь психогенная революция, которая пож-жират своих детей,* – плотядно заключила Татьяна.

– Плагиат, но с изюминкой! – уклончиво отреагировал на её слова Салтыков.

– Человек может управлять генами и становиться лучше с помощью слов, – пришла на помощь подруге Ада и весомо добавила, – у меня папа генетик.

– Управлять генами? – зеленоглазо уставился на неё куратор. – Господа! Наука нашла ответ на вопрос: как наше слово отзовётся?

– *А куда деть тысячи тонн словесной руды?* – округлила глаза Таня Танк.

– *Есть сила благодатная в созвучье слов живых!* – Лермонтовым по Маяковскому ударила староста группы.

– *Хотел бы в единое слово я слить мою грусть и печаль, и бросить то слово на ветер, чтоб ветер унёс его вдаль,* – тихо, но с чувством процитировал давно забытого поэта, безответно влюблённый в неё очкарик.

– Для поэзии: факт ничто, эмоция всё – традиционная ориентация, – прервал лирические прения куратор, и после недолгой паузы забросил удочку, – в отличие...

– *От журналистики ориентации нетрадиционной,* – подхватила староста.

– *Которая предпочитает факту... фейк,* – уточнил безответно влюблённый.

– *Ах, обмануть меня не трудно!* – изобразила тягуче-медовый взор вернувшейся с пастбища коровы, согласной до капли отдать нагулянное непосильным трудом молоко, Таня Танк.

«*Чересчур сексуально!*» – во время одной из проб на освоение коровьего взгляда заметила ей изображающая экзаменатора Ада.

«*В сексе не бывает чересчур!*» – со знанием дела отрубил подруга, хотя, никакого особого знания у неё, конечно, не было, так, одни фантазии и предчувствия...

– Тема исчерпана. Ориентация дело личное. А вы, дочь повелителя генов, согласны, что литераторы, режиссёры и прочие фантазёры могут приделывать людям хвосты, рога и копыта, а мы, стражи слов, нет? – неожиданно, глаза в глаза, обратился к ней Салтыков.

– Согласна, – эхом повторила она, и уже от себя прибавила, – счастье в правде.

– Тогда, считаете ли вы правдой то, что современный укороченный язык типа *хор, хайп, ок,* ведёт к деградации ума?

– Индейцы племени *тираха* с помощью междометий общаются и, между прочим, обладают энциклопедическими знаниями о природе, – сражаясь за внимание куратора, с почти научным видом заявила Таня.

– Есть версия: аборигены ветвь одичавших атлантов, такая вот диалектика! – бросив в ответ ТТ замысловатую фразу, – так что с обрезанием языка? – вернулся к заданному «дочери повелителя генов» вопросу Салтыков.

А она?

Как всегда!

Всё ни как у людей: ни химии в крови, ни бабочек в животе.

Сплошная тяга к знаниям.

– *Некоторые учёные считают: вначале было не Слово, а Звук!* – выдала недавно прочитанный перл.

– Звуки всем управляют, даже гравитацией, – поддержала её Таня Танк. – Хочешь полетать? Пожалуйста! Сдвинуть горы? Не проблема!

– И вы знаете эти звуки? – заинтересовался куратор.

– Конечно! Только это секрет. Вам одному на ушко... и летаем!

«*Неужели правда: подруг нет, есть соперницы?*» – мелькнула тревожная мысль.

«*Просто Танька свои чары испытывает*» – успокоила мысль-оптимистка.

Ада открыла глаза...

*Когда пирог будет испечён...

– Простите... всё думаю... очутись я на месте вашего деда... – будто подкараулив её пробуждение, шумно вздохнул сосед. – Жена говорит, у неё остановится сердце, если я разлюблю. Но если что-то случится с ней, представить не могу, что буду делать я...

– Реальность ежесекундно разветвляется на альтернативы, так что выбор у каждого есть, убеждал нас в любой ситуации быть оптимистами преподаватель по психологии, – успокоила его Ада. – Моему дедушке сон помог...

– Летаргический или вещий? – уточнил Игорь Михайлович.

– То ли сон, то ли явь, – доверительно сообщила она. – Вместо неба увидел тёмно-синюю скатерть, в центре – похожую на праздничный пирог луну, вокруг звёзды как на Пасху яйца крашенные. И вдруг, откуда ни возьмись, его любимая Екатерина Вторая. В мундире Преображенского полка. На голове треуголка с пером. В руке палаш. Говорит: *придёт время, без войны Крым вернётся в Россию. Верю победим!* И клинком по луне! Отрубила кусок, протягивает деду со словами: *когда пирог будет испечён, у многих появится аппетит, а ты крымскую саблю найди и на свадьбу!* Дед знал, что его предок с турками за Крым воевал, потом есаулом в Кубанском казачьем войске служил. И о сабле его слышал, которую после революции в земле схоронили. А где, со временем забыли. Старую хату снесли, новый дом построили. Не нашли. Но дедушка решил наказ императрицы исполнить. Весь огород ископал, ничего. Взялся у самого плетня под старой яблоней погреб копать. И нашёл! В бурку завёрнутую. Бурка истлела, а сабля с гравировкой *«В бой как на свадьбу»* сохранилась...

– В бой как на свадьбу. Крепко сказано! – подкрутил усы кверху «полковник».

– Саблю ту дед в школьный музей отнёс, сам в казачье войско вступил. А вскоре четырнадцатый год. И всё как во сне: и крымский пирог, и вражий аппетит. Дед с казаками в Керчь переправился. Ночь. Холод. Устали. Местный священник в храм их пригласил. Помолились, спать на полу легли, а его при реставрации тёплым сделали, отогрелись, отоспались, проснулись как женихи перед свадьбой...

– Мне вещие сны не приходилось видеть, – с сожалением заметил сосед, и вдруг резко поднял голову, потянул носом, – слышите, аромат, не то розы, не то сирени. Или, простите, это ваши духи?

– Не мои, – повлажнили её глаза.

– Жене бы в подарок...

Хотелось признаться: это запах мамы.

Но кто поверит?

Только Мих Мих.

Естественно, дед не рад был её решению провести каникулы «незнамо, где» и тому, что прах его дочери навсегда покидал родину.

Но вслух об этом не говорил.

Не до того, хотя все погребальные заботы на себя взяли его друзья, те, с кем Крым защищал, кому в бой, как на свадьбу, а на похороны... как в бой: если учесть, сколько чиновничьих редутов пришлось атаковать, дорожных кордонов преодолевать, сравнение в точку.

А сколько страхов по дороге в Москву нацепляла её душа!

То, казалось, на ухабе упадёт с табуреток мамин гроб в катафалке.

То при очередной проверке и скрежете гвоздей паника: вдруг под приподнятой крышкой... мама дематериализуется от правоохранительной бесцеремонности.

То в крематории тётка с головой крокодила, явная реинкарнация хищницы Амт, которая во времена Анубиса пожирала сердца умерших грешников, в их случае решила закусить сердцами родственников.

Потом траурный зал.

Она уткнулась в грудь деда, он гладил её по голове, приговаривая: *не бойся, душа не тонет, не горит.*

А когда за гробом захлопнулись ворота в огненный ад, кротко всхлипнул: *встречай нашу дочь, Катерина.* Прошептал: *такие дела* и затих.

К удивлению, дальше пошло всё как по маслу.

С оформлением визы и бумаг на вывоз праха проблем не возникло.

Будто чья-то невидимая рука устраняла преграды...

*Любовь со знаком минус...

– Вас папа будет встречать? – отвлѣк её от воспоминаний «полковник».

– Бабушка, – с трудом вернулась в «здесь и сейчас» она.

И снова, хоть плачь!

Дождётся ли её отец? Вдруг, умрёт? И она с одних похорон на другие...

– А бабушку вашу как звать?

– Агата.

– Когда меня командировали в Афган, жена, она в кристаллах знает толк, дала мне камушек агата, – бережно покрутил левый, «женин» ус Игорь Михайлович, – велела днём его во рту держать от жажды, а ночью в стакан с водой класть, и пить ту воду от злых духов. Агат – не агат, а вернулся я домой живым и здоровым...

Он замолчал, видимо, вспоминая войну, для описания которой не нашёл ещё слов.

Аду тоже тянуло к молчанию.

Вернее, к молчаливому размышлению...

Если я напишу заметку о полковнике, которого в Афганистане спас камешек агата, ни одна серьёзная газета не напечатает её...

Не говоря уж, о полёте маминой души...

И вдруг молнией мысль: *мама умерла так же, как бабушка! Во сне. Остановилось сердце.*

Батарейка села.

Вспомнилось, она спросила: почему бабушка умерла?

– Батарейка села, – с таким отсутствующим видом ответила мама, что она решила во всём разобраться сама.

С детства приучилась.

Сначала недоумевала, почему её вопросы натыкались на отговорку: давай поищем ответ вместе. Думала даже: мама *незнайка*.

Интернета то ли не было, то ли его игнорировали, а книг от пола до потолка. И они с мамой усаживались рядом, открывали словари, энциклопедии. Читали, рассуждали. Потом и сама вошла во вкус. Особенно нравился ей словарь Брокгауза и Ефрона. Могла часами рассматривать его иллюстрации.

Но «батарейка» у Брокгауза ассоциировалась только с артиллерийскими орудиями, к бабушке – никаким боком.

В БЭС кроме артиллерии, указали на ряд однородных предметов, и привели в пример батарею бутылок.

В БИЭС (иллюстрированном словаре), наконец-то! она нашла схему батарейки: анод, катод, плюс, минус. Из текста узнала, что гальванические элементы преобразуют химическую энергию в постоянный ток, и что они не перезаряжаются, а садятся.

У бабушки химия с дедушкой кончилась, и!..

Но!

У мамы тоже, как и у бабушки, во сне остановилось сердце.

Выходит, тоже кончилась химия?

А ведь мама что-то говорила.

Пыталась объяснить...

«Ну, давай!» – подстегнула свою память Ада.

Человек похож на сенсорную батарейку, с разными полюсами чувств. Добро... на полюсе холода... оборачивается злом. Любовь со знаком минус...

Ада наморщила лоб: ну же!

Извилины смущённо молчали.

Возможно, даже мама не знала, во что превращается любовь со знаком минус...

*В один колокол звон...

– Внучка приезжает? – привёл в движение морщины на лбу Адам Старший. – Почему мне не сказали?

– Ты не спрашивал, – тоном сердобольного психиатра напомнила Агата Львовна.

– Тогда... купи ей куклу, или что там...

– Какаю куклу? Ада второй курс университета закончила!

– И на кого она учится? – нарочито безразлично поинтересовался АС.

– На... журналиста! – выпалила Агата, на корню уничтожая его интерес к дочери Евы.

Её муж считал работников СМИ сутенёрами, получающими прибыль от продажи информации заказной, опиумной интерпретации.

– Похождения собственного генома – вот что скоро предпочтут читать люди! Ева, как никто другой, понимала это. Зачем она умерла?! – графиком сильнейшего возмущения вздыбились морщины на его лбу.

«Тебя забыла спросить!» – хотела ответить Агата Львовна, но промолчала, слепым, а по сути, воровским взглядом сканируя мужа.

– Ева была мне дочерью, духовной, кем станет Ада, сердцу не прикажешь... – будто детектору лжи признался он ей.

– Бог лишил тебя гена любви! – решительно развернулась Агата.

«Неправда!» – хотел крикнуть ей вслед АС, но ограничился тем, что позволил проекциям извилин мозга – морщинам, устроить на лице бескровную схватку эмоций...

Что такое – любовь?

Генетический сбой?

Божий благовест – в один колокол звон?

Или просто... звон?

Ему не хотелось верить, что Евы больше нет. Он так радовался её приезду. Теперь, когда все считают его сумасшедшим, не банально потенциальным пациентом психушки, а помешавшимся на генах гением, дозор за их встречами с невесткой был бы ослаблен, и они могли бы всласть говорить обо всём, что придёт в голову.

– Ты называешь моего сына Аллель, – с лёгкой ноткой ревности заметил однажды он. – Правда, считаешь, что вы *один из двух*?

– Да, он моя, а я его половинка, – без тени сомнения ответила Ева.

– Но ведь это тирания. Самая жестокая из всех тираний!

– Почему? – удивлённо спросила она.

– Потому что, – доверительно поделился опытом он, – половинка требует: люби меня как я тебя! Страдай, как страдаю я! Болей, как болею я! Бог дал нам свободу воли. Разве и мы не должны дать друг другу свободу чувств?

– Чувства бывают разными, – насторожилась Ева.

– Любовь, что за чувство, по-твоему?

– Демоническое стремление к полноте бытия! – без запинки отрапортовала она.

– Да ты знаток в любви, – умиляясь её желанию казаться взрослее и искущённее, воскликнул он.

– Это не я, это, кажется, Платон, – не признала за собой звание «знатока» Ева.

– Не верь теоретикам, – ревниво заметил он, хотя сам в её присутствии и даже при её отсутствии испытывал что-то очень похожее на «демоническое стремление» именно «к полноте бытия».

– А что для вас любовь? – в свою очередь спросила она.

– Аромат, составленный из разноцветья чувств, – не раздумывая, ответил он.

И оказался прав!

Шлейф её аромата бередил его чувства даже тогда, когда она покинула Остров, перебралась жить за тридевять земель.

Хорошо, пришла идея самому стать ближе к ней: для чего требовалось вывести гибрид из любимых ею белых роз и симпатичной ему персидской сирени.

Решил.

За дело!

Для морозоустойчивости использовал гены сёмги.

И!..

Получил фиолетовую красавицу розу... с запахом тухлой рыбы.

Оплеуху обонянию и надеждам – куст дурно пахнущей розы он велел уничтожить.

«Не по этой ли причине умерла Ева?» – будто из засады выскочила дикая мысль.

***Человек как черновик...**

«Хр-р-рь! Хр-р-р-рь!..»

Ада покосилась на соседа. Игорь Михайлович, доверительно расслабив черты лица, мирно спал, издавая звуки, похожие на те, что транслировал миру заласканный на коленях бабушки Кати Фаворит (тайное имя – граф Орлов). Бабушка специально назвала котяру неизвестной масти с нереально-многоцветным окрасом, к тому же знатного мышелова, в честь возлюбленного Екатерины Второй. И каждый вечер, усаживаясь смотреть новости в своё кресло рядом с креслом Мих Мих, тайным кличем призывала графа Орлова, который прыгал к ней на колени как к себе домой.

Новости шли под аккомпанемент их сентиментально вальяжного размурлыкивания.

Баба Катя, нащёптывая умильно-любовные слова, почёсывала своего фаворита за ухом. Разнежившись, он подставлял бока, распяливался на спине, доверяя ей свою жизнь, в смысле, живот. Потом, в экстазе, они тёрлись носами.

– Сейчас блох начнут друг у друга искать! – демонстративно отодвигал своё кресло Мих Мих.

Графу Орлову озвученная перспектива обычно не нравилась, он резко спрыгивал с коленей бабы Кати, при этом мог и когти выпустить, и лапой садануть.

– Все вы, мужики, одинаковые! – собрав с юбки кошачий ворс, досадливо покидала бабушка кресло-альков.

Заодно доставалось и телерепортёрам: раньше показывали вести с полей, нынче с постелей!

Хорошо, бабушка не узнает, что её внучка выбрала профессию журналиста.

Или мама ей уже рассказала?

Спросить бы, да удаляющийся шлейф милых сердцу духов навеял немоту.

Она машинально потянулась за рюкзачком, поговорить с маминим дневником...

«Надеюсь, твоего папу заинтересуют некоторые мои мысли» – будто отлучая себя от окружающей действительности, прежде чем уложить в отдельный карман чемодана, прижала к груди заветную тетрадь мама.

И вот её нет, а папа...

«Прочитаю и, если успею, перескажу ему...» – моментально созрела мысль.

За ней другая: слава Богу, что Мих Мих переложил дневник в рюкзак.

И ещё одна странность: тетрадь, будто сама знала, на каких открываться страницах, а глаза, будто сами выбирали особо значимые фразы...

«Возможно, в человеке, как в самолёте, есть „чёрный ящик“ – ген ретро-памяти, который душа таскает за собой из жизни в жизнь. Поэтому он априори черновик с прошлыми ошибками, грехами, неудачами, и не может жить набело...»

«Мы говорим о культуре поведения, культуре питания, и ни слова – о культуре думания. Да, да! О культуре думания! Ведь если мысль материальна, то, сколько сорных, дурных помыслов мы источаем в пространство. А потом удивляемся...»

«Стив признался однажды: власть денег с малых лет манила его. Любимыми игрушками были купюры всех мастей. Он представлял их людьми соразмерных сословий и рас, а себя олицетворял Богом. Возможно, для него я была мелкой монетой...»

«Рожки Ола отрезвили меня. Я спросила Адама: сколько цирковых уродцев может появиться на свет при разработке дизайна новых людей? Он ответил: человек – всегда эксперимент. Доказательств тому сколько угодно! В Израиле нашли человеческий череп с костяными рогами. В Египте звероподобных людей признавали богами. Свиньи тоже продукт генно-инженерного поиска, что не отвращает нас от бекона. Так что, не мы первые, не мы последние...»

«В ашраме Бабы я познакомилась с интересным монахом. Тело его было похоже на мумию, а глаза детские, посреди лба жемчужина. Владеет русским языком. Когда увидел в моих руках подаренный Саи Бабой цветок, подошёл и сказал: это плод с Древа Жизни, посади его семя в горшок, а когда пробьётся росток, знай: к Земле приближается эра Любви. Когда Саи Баба был рядом, я чувствовала, что люблю и любима, – призналась я ему, – а теперь... как выброшенный в непогоду котёнок. Я бы тоже хотел знать, что такое любовь, – приложил указательный палец к жемчужине на лбу он, и вдруг, несмотря на глубокие морщины вокруг похожих на спелые сливы глаз, по-детски ясно улыбнулся: Учитель обещает, скоро узнаем...»

«Я бы хотела больше верить. Зашла как-то в храм, служба закончилась, батюшка читал проповедь, сказал, будто точно знал: Иисус это прощённый Богом грешник Адам, Пресвятая Богородица – извинённая Ева. Извинить, значит, из вины выудить, не дать утонуть...»

«Спермой одного половозрелого мужчины можно оплодотворить всех женщин планеты, – сказал как-то муж. А как же любовь? – спросила я. Гена любви ещё никто не нашёл, – пожал плечами он. А что, если любовь находится не в гене, а в семени Творца? – шутливо предположила я. Потом подумала: вдруг, и правда, Бог осеменяет наши сердца, чтобы каждый человек вырастил свой цветок любви?...»

Оглушённая наплывом мудрёных мыслей, смешанных со страстями родителей, Ада захлопнула дневник.

Откинулась на спинку кресла. Закрыла глаза.

Встреча с отцом уже не казалась ей такой...

Какой?

Извинительно благостной?

Прощально прощённой?

Что там ещё она, Ада, нарисовала в своём воображении?

А в реальности: не стала ли дочь полковника жертвой папиных супер амбиций?..

***Мой второй папа...**

– Дрёма напала, и жена тут как тут, – заворочался в кресле Игорь Михайлович. – Наказала за словами следить, иначе, говорит, потеряем дочь. Беда...

– Почему, беда? – прониклась ответственностью за судьбу незнакомой девушки Ада.

– Так у меня с малолетства со словами проблема, – чистосердечно признался сосед, – отец военный, дед военный, среди команд рос. Подъём, отбой! Жена до сих пор дразнит, как я ей предложение сделал, – картинно выгнул грудь, взял под козырёк, бравым голосом изрёк, – *товарищи, любимая, разрешите стать вашим мужем!*

– Разрешила? – не удержалась от улыбки Ада.

– Без вариантов! У любви такой силы гравитация: с другой планеты притянет! А если с Евой что, я к дипломатам нашим обращусь, в момент разыщут!

– Вы мне на всякий случай номер своего телефона оставьте, вдруг я что-то узнаю.

– И вы мне, вдруг я что-то...

– Мама говорила, на острове нет связи, но, может, всё изменилось, – согласно кивнула Ада.

– На каком острове? – кустистым навесом сдвинул брови Игорь Михайлович.

– Научный центр моего отца расположен на частном острове. Названия не знаю, на карте его нет.

– Меня встречает муж Евы. Он немного понимает по-русски, а я выучил несколько английских фраз, – продолжая хмуриться, сообщил сосед.

– А я не знаю, узнаю ли бабушку...

«Не знаю, узнаю ли...» – тут же мысленно укорила себя за косноязычие Ада.

Обменявшись номерами телефонов, они будто по команде отвернули головы и закрыли глаза, что вовсе не означало потерю интереса друг к другу. Просто, как сказал бы «полковник», им обоим было необходимо провести рекогносцировку на местности, в смысле, уйти в себя...

Папа смертельно болен, – зашевелились в голове Ады извилины. – Не исключено, что именно он решил стать Адамом Бессмертным, и дочь полковника скоро родит мне... папиного клона, которого мне придётся нянчить, потому что бабушка... У бабушки один гипноз на уме, и прошлые жизни. Ей станет скучно второй раз копию сына воспитывать. А мне интересно!..

Заведу интернет-дневник «Мой папа клон», прославлюсь, потому что ещё никто в мире не присутствовал при рож-ждении и с пелёнок не растил своего отца...

Настоящая золотая ж-жила...

Салтыков оценит мою ж-жертвенность, и скаж-ж-жет: разрешите стать вашим муж-ж-жем...

В ушах сонливо зажужжало...

*Любовь сильнее земного притяжения...

Сны самые беспощадные пожиратели времени.

Закрыв глаза, и несколько часов из жизни слизаны.

А с ними тысячи километров.

Америка.

Аэропорт.

Слепая масса запахов, звуков, лиц.

На запах бабушку Ада не помнила.

Голос, внешность – туманно...

Игорь Михайлович жмёт руку улыбчивому парню под два метра.

А она всё крутит головой.

– Ада, девочка моя! – вдруг кинулась к ней молодая женщина лет тридцати.

«Бабушка не смогла приехать, прислала вместо себя кого-то...» – мелькнула мысль.

– Хай! – с трудом выдавила из себя американское приветствие.

– Не узнаёшь? Выдам секрет: у меня ген старения заблокирован.

– Бабушка?!

– Бабушка. Бабушка. Не надо так громко. Хотя! Всё равно не поймут, – взяла за плечи и принялась бесцеремонно разглядывать внучку Агата.

– Я думала, папа умер, и ты не смогла... – еле сдержала слёзы Ада.

– Папа жив, хотя... надо признать... тело его...

– Помню: тело – скафандр. А мама завещала их прах развеять над океаном...

– Не будем о прахе. Увидишь отца, поймёшь, кстати, лоб и верхняя губа у тебя от него, – оставшись довольной результатами осмотра, опустила руки Агата. – Нас ждёт вертолёт. Может, ну его, багаж. В островном супермаркете найдёшь все модные тренды...

– Вертолёт подождёт. В багаже мамин прах, – проявила характер Ада.

– Прости, я не знала.

– И ты прости, мне надо с дедом поговорить...

Полагаю, на Аду глаза моего благоверного дыбом не встанут, заняв позицию для укромного наблюдения за внучкой и багажным отделением, подумала Агата Львовна. Она подозревала мужа в тайной страсти к невестке, возможно, даже взаимной, иначе с чего бы Еве пришло в голову оставить мужа, который до сих пор в ней души не чает?

«*Бес в ребро?*» — попыталась уличить супруга в измене.

«*Глаза дыбом!*» – с детской непосредственностью признался он.

Насмотреться, видите ли, на невестку не может...

Причём, исключительно по причине фантастической комбинации её генов!

«*Гены безгрешны, а плоть своё возьмёт!*» – решила она, и уговаривать невестку остаться с сыном не стала.

Более того, не упускала из виду её жизнь, приглашала на эзотерические семинары, чтобы сообщить: старший и младший Адамы погружены в свои опыты до такой степени, что не замечают ни часа, ни дня, ни времени года.

Наука – их жена, и больше им никто не нужен. И ни слова о том, что её сын от одиночества дичает, совершает глупости, экспериментирует на себе...

Ревность тоталитарное, зомбирующее чувство.

Никакими молитвами не победить.

Астрология сильнее: угораздило родиться в год Крысы и Лебедя, так и разрывайся между норкой и небом, гони чужаков, храни верность своей половинке!

Этот крест она несла без претензий...

Но, видимо, у высших сил свои резоны.

Только от сына жена ушла, как вскоре ей пришло сообщение: мать при смерти.

Слава Богу, застала живой.

Налей шампанского, и знай, я покидаю этот мир с радостью, – вспомнились её прощальные слова. – В мире души меня ждёт мужчина всех моих жизней, в которых он был то английским пиратом, то итальянским дождем, то греческим рыбаком. Я всегда до дрожи любила его, и он также любил меня. Теперь ждёт у небесного порога, томится. Любовь сильнее земного притяжения, запомни это. Ещё знай: твоя мать служила свету. Прошу: доверься человеку, который предложит тебе продолжить моё святое дело. А станет невмоготу, молись: Господи, сотвори со мною по воле твоей!..

Сказала.

Осушила бокал шампанского.

И рванула на небеса.

Похороны взяли на себя мамыны сотрудники.

После поминок к ней подошёл человек в штатском, но выправки военной, слегка навеселе. Говорил о генетическом апокалипсисе, предлагал стать стражем у ворот ада...

И хоть от стресса и поминальной водки она сама была не трезва, всё же сообразила, что порученное ей святое дело: неотлучно находиться рядом с мужем и сыном, точь-в-точь совпадает с личным её интересом.

И она согласилась...

На обратном пути, на всякий случай, прочитала завещанную матерью молитву.

Господи, сотвори со мною по воле твоей!

Подумала: может, правда, человеку в голову не придёт попросить то, что ему нужнее всего, а Всемогущий устроит.

И!

Устроил!

Усадил в самолёте рядом с психиатром, практикующим регрессивный гипноз, знакомство с которым вовлекло её в постижение беспредельного потенциала бессмертной души.

Во всяком случае, история о едином в трёх лицах: пирате, доже и рыбаке, любимом маминном мужчине перестала казаться предсмертным бредом...

***Любовь не тело к телу на пять минут...**

Мих Мих откликнулся так быстро, будто держал телефон под рукой.

– Внученька, как ты там?

Ада услышала его такой родной, такой несчастный голос, и ей стало стыдно: как она могла оставить его в момент, когда, быть может, как никогда раньше, была нужна ему? Он бы ни за что не покинул её...

Дед заменил отца.

Не заменил.

Стал отцом!

Называл дочка-Адочка.

Читал книжки, брал с собой на рыбалку.

Всегда рядом, всегда вместе: надёжный как МЧС.

А она...

– Уже приземлилась, – зачем-то громко закричала в трубку, так громко, чтобы он услышал, как она любит его, и уже скучает. – Ты как?

– Катерину пришёл навестить, могилку прибрать, цветы полить. Бархатцы издали увидели, раскланялись. Почудилось, наверно, ветер...

– Это бабушка тебе обрадовалась... – чтоб не заплакать, замолчала Ада.

– А ты, внучка, вольна в своём решении: захочешь с отцовской роднёй остаться, так тому и быть, – бывшим директорским тоном не дал её слезам пролиться Мих Мих, – но я буду ждать. И ещё, никогда не говорил, а теперь знай: живёт на Кубани родной тебе человек, который любит тебя. Всею душой любит, всем сердцем. Много на земле обитает народу, а, бывает, покажется: ты один. Это ложное чувство, гони его: если даже все люди отступятся, Бог будет с тобой, потому что ты в любви на свет рождена. Такие дела...

– Спасибо, дедушка. Я тебя очень-очень люблю! А когда вернусь, ты наваришь ухи, и... какое счастье...

– Держись там, А-дочка...

– Не переживай! – приободрилась она, – меня Агата встретила. Прилетим на остров, я тебе позвоню, подробно обо всём расскажу, если, конечно, там наладили связь...

– Что ни случится, помни: в тебе непокорённого рода кровь течёт! – на прощанье прокричал в трубку дед.

«Непокорённого рода...» – отозвалось в сердце.

А я?.. Салтыков пальцем поманит, кажется, покорюсь.

Хотя...

Баба Катя деду покорилась, но не сдалась!

«Стыдись: немка тебе родной жены дороже...»

«В Екатерине Великой кровь Ярослава Мудрого текла» – оправдывал странное своё поклонение давно почившей императрице Мих Мих.

«В ней текла, а во мне до сих пор течёт: не чужая, мёртвая, а живая, моя, – заявляла бабушка, а потом плакала, – любовь не тело к телу на пять минут, а душа к душе навек...»

*Морок соблазна...

– Всё в порядке? – приотстал от своего устремлённого к багажной карусели зятя Игорь Михайлович. – Ты говорила, тебя будет встречать...

– Бабушка! – протянула ему руку вмиг подлетевшая к внучке Агата Львовна.

– Не может быть, – дёрнув левый ус, щёлкнув каблуками и заметавшись взглядом, приложился губами к её запястью «полковник». – Простите, вы похожи на внучку...

– Прощаю, – кокетливо посмотрела на него бабушка. – Мой муж испытал на мне антиген старения, и теперь я не умру, пока сама не захочу.

Лицо Игоря Михайловича отразило всю гамму человеческих чувств одновременно.

– Хотеть смерти... это... вряд ли...

– Разве вечная жизнь не каторга? – прикинулась жертвой генных технологий Агата.

– Даже не знаю, – объятый жалостью, крутанул кверху оба уса полковник. – *Умру от счастья, что живу*, сказал поэт. Парадокс, но...

– Бабушка, – нутром почуяв коварство, решительно сменила тему разговора Ада. – Игорь Михайлович разыскивает дочь, которая обещала родить Адама Бессмертного, и пропала. Ты случайно не знаешь...

– Её Евой зовут, она журналист, участница важного эксперимента, – мгновенно сбросил с себя морок соблазна полковник.

– У нас много курочек, несущих золотые яйца, – в отместку за эту «мгновенность» холодно заметила Агата.

– Бабушка! – уже открыто возмутилась Ада.

– Что не так?! На острове Ев пруд пруди. Ими твой отец занимается, все вопросы к нему!

– Я поговорю с папой и позвоню вам, – пообещала полковнику Ада.

– Не сули того, чего не сможешь исполнить, – неодобрительно покачала головой бабушка и виновато улыбнулась Игорю Михайловичу, – у нашего острога с материком нет связи.

– И сети Интернета? – уточнил он.

– Угодить во всемирную паутину, всё равно, что потерять личный суверенитет, – разочарованная отсутствием реакции на слово «острог», доверительно прикоснулась к его плечу Агата. – А то и в рабство к хакерам можно попасть...

Эффект, видимо, превзошёл все её ожидания.

Со словами: агат спасает от враждебных сил, Игорь Михайлович раскрыл ладонь, на которой лежал небольшой овал полосатого самоцвета.

– Этот камушек защитил меня от моджахедов, пусть и вас от всех врагов сбережёт.

– Это мне? – стрельнула в него «девичьим» взглядом бабушка.

– Вам, – улыбнулся полковник, и глаза его сменили расцветку хаки на яркую зелень мха.

«Котьяра!» – готова была Ада распять весь мужской род, но внезапно её озарило, – *это военный манёвр! Применение мягкой силы. Психолингвистическое программирование. Двух слов не мог связать, а во исполнения вещаго приказа жены, ради спасения дочери разговорился...*

– Может, ты хочешь взять? – любясь пёстрой окраской окатыша, для приличия спросила её Агата Львовна.

– Агат для Агаты, – отрицательно замотала она головой.

– Что ж, за оберег спасибо, – возобновила бабушка химическую реакцию с отцом Евы. – А с вашей дочерью, если она на острове, обещаю, ничего плохого не случится.

– Надеюсь на скорую встречу, – взором командора пронзил её Игорь Михайлович.

Агата Львовна смущённо опустила глаза, но вмиг встрепенулась: *пойдём, Адошка, вещи прибыли*, и с видом: за мной! направилась к плывущей багажной ленте.

– Если Ева на острове, я придумаю, как с вами связаться, – протянула полковнику руку Ада.

– Тогда, и дочкин возьми оберег, – вытащил он из кармана рубашки самоцветную бляшку размером с металлический рубль, – если узнает, значит, точно, моя...

– Ждите звонка, – сунула она агатовый «пароль» в карман походных брюк.

*Леденцы от старости, витамины от беременности...

На лётном поле их ждала огромная перламутровая птица с поднятым пропеллером-хвостом.

– Что это? – поражённая фантастической красотой летательного аппарата, спросила Ада.

– Вертолёт-невидимка, – как само собой разумеющееся сообщила бабушка.

Мужчина в комбинезоне «из рыбьей чешуи» помог им подняться, забросил в салон чемодан.

Пилот в шлеме под Ихтиандра завёл мотор.

Они взмыли в небо, и, казалось, растворились в нём.

Воздух наполнился знакомым лёгким ароматом...

«*Неужели мама до сих пор со мной?*» – подумала Ада.

– Любовь похожа на ящерицу: оторвёшь ей хвост, новый вырастет. А твоя мама, царство ей небесное, пристанища в ней искала. Не нашла, ушла в слова, – для зачина беседы изрекла спорное утверждение Агата Львовна, и будто невзначай осведомилась, – а ты, случайно, не влюблена?

– Так, появился на горизонте один... – скрепя сердце откликнулась Ада.

– Тогда, может, развернём самолёт, и домой?!

– Без супер статьи... для него я... обыкновенная бумагомарака.

– Сенсация нужна? Так их у нас в остроге, не сосчитать! – оживилась бабушка.

– Опять в остроге? В первый раз я подумала, ты оговорилась, – с удивлением посмотрела на неё Ада.

– Не оговорилась! Наши учёные трудятся как каторжане, – многозначительно начала Агата Львовна, но встретившись с безучастным взглядом внучки, закруглила тему, – потому и острог... под грифом «05», в переводе с языка цифр, «страшно секретный». Кто сболтнёт лишнее – расстрел. Но для тебя я могу кое-что рассекретить...

– Мне нужна не просто сенсация, а такая, чтобы Салтыков... сдался, – вступила в неосознанный торг Ада.

– Вяпалась! – сочувственно произнесла бабушка.

В тоне её была такая вселенско-женская скорбь, что Ада готова была разреветься.

Навзрыд.

От души.

Водопадом.

За все страдания и горести, боли и обиды с первого дня рождения!

Или не с первого?

До семи лет, вообще-то, жизнь казалась сказкой.

В последующие двенадцать жанры хаотично менялись...

– Не грусти, найдём тебе сенсацию, – обняла внучку Агата.

– А это ч-что? В-взлётные? – сейсмически всхлипнув, потянулась к высунувшемуся из-под сидения напротив прозрачному коробу с леденцами в ярких фантиках Ада.

– Залётные! – ногой отпихнула короб Агата. – Леденцы от старости, витамины от беременности, между прочим, твой отец разработал...

– Для б-братства Мафусаила? – вспомнив рассказ Игоря Михайловича о строящемся в Сибири фармацевтическом заводе, спросила Ада.

– А ты откуда з-знаешь? – вслед за ней заикнулась бабушка.

– Да на всех к-каналах... – интуитивно отвела подозрение от полковника Ада.

– Я тоже о нём что-то слышала, но идея тысячу лет в одном и том же теле играть одну и ту же роль, меня не вдохновляет! – многозначительно повела бровью Агата. – Не я, Шекспир сказал: весь мир театр, а люди в нём актёры. Я только уточнить хочу: забудешь роль, импровизируй! И не скули, что театр дерьмо, актёры мразь, автор идиот, режиссёр бездарь. Не хочешь быть на сцене, сиди в зрительном зале...

– Б-бабушка! – с головой погрузившись в словесный поток, почувствовала нехватку воздуха Ада.

– Ещё бровки сделай шалашиком, и будешь: копия отец, – как ни в чём не бывало, улыбнулась Агата и, подняв указательный палец, с чувством собственного достоинства промолвила, – есть другой путь продлить свой век...

– К-какой?

– Оживлять память прожитых жизней. Человек, познавший, что уже был богатым и бедным, здоровым и больным, мужчиной и женщиной, белым и цветным, верующим и атеистом станет иначе относиться к себе и другим. Кстати, в братстве у меня немало сторонников.

– З-значит, братство и т-ты... – ужасаясь пришедшей на ум мысли, потеряла дар речи Ада.

– Ничего не значит! Я же сказала: Мафусаил из Ветхого Завета – вчерашний день, а наш остров – современный научный град, где самая фантастическая версия имеет право на жизнь. И мне теперь не надо ездить в Индию. Лучшие ретро-гипнологи планеты работают на нас. Если хочешь узнать своё генетическое древо...

– Г-генеалогическое...

– Генеалогия – история тела, – учительским тоном поправила внучку Агата, – а душа человека созревает на древе генетическом. Какой геном – такова и душа! Чем не заголовок для твоей будущей статьи?

– Если я об этом н-напишу, к-куратор п-подумает: я д-дуб!

– А тема бесплодия как тебе?

– В сотый раз написать о том, что молодёжь теряет интерес к сексу, соответственно, к продолжению рода, потому что предпочитает всю энергию расходовать на собственное саморазвитие, – разочаровавшись в бабушкиных пристрастиях, перестала заикаться Ада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.